

ПИТЕР МЕЙЛ

Собачья жизнь

Азбука-бестселлер

Питер Мейл
Собачья жизнь

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Мейл П.

Собачья жизнь / П. Мейл — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-12874-3

Знакомьтесь с Боем – это вдумчивый наблюдатель за поведением человека, остроумный и проницательный летописец современной жизни, ее радостей и противоречий. А вообще-то, он собака. В книге «Прованс навсегда» автор посвятил Бою отдельную главу и рассказал, как безродному прованскому «чучелу» удалось ловко обосноваться на седьмом небе собачьего рая – собственно, в доме Питера Мейла и его жены Дженни. В книге «Собачья жизнь» сам пес, взявшись за «мемуары» – ему есть что сказать миру! – повествует о своем непростом пути к «вершинам успеха», а кроме того, делится очень забавными и порой весьма колкими замечаниями относительно своих хозяев, их гастрономических привычек и образа жизни, странностей и чудачеств, и их бесконечных гостей. Люди не перестают удивлять Боя, а порой и огорчать, но что с них возьмешь... Человеку свойственно ошибаться. А собаке свойственно прощать.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12874-3

© Мейл П., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

От автора	7
Судьба, слава, Пруст и я	8
Невзгоды	11
Неопределенное положение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Питер Мейл

Собачья жизнь

Peter Mayle

A DOG'S LIFE

With drawings by Edward Koren

Text copyright c 1995 Escargot Productions Ltd.

Illustrations copyright c 1995 Escargot Productions Ltd.

All rights reserved

© И. Пандер (наследники), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается

*Жан-Клоду Ажено, Доминик Руазар и Джонатану Турецки –
трем истинным принцам среди ветеринаров*

От автора

В этой книге – все правда, за исключением нескольких страниц. На них я по примеру современных политиков, пишущих мемуары, немного подправил правду там, где она мне не нравилась.

Судьба, слава, Пруст и я

Жизнь, как известно, подчас бывает несправедлива, и это не так уж плохо. Если бы все в ней шло по плану, сидеть бы мне сейчас на цепи у фермерского дома в какой-нибудь глуши, питаться скудными объедками да лаять на ветер. Но к счастью, у судьбы есть свои любимчики – те, кому с самого рождения предназначено, невзирая на скромное происхождение и жестокую конкуренцию, подняться к вершинам успеха и славы. Примером таких избранных фортуны может служить знаменитая Лесси или та нелепая собачонка, что, неестественно выкрутив шею, всю жизнь слушает старомодный граммофон. Ей, конечно, не позавидуешь, но, с другой стороны, для терьера даже такая карьера – невиданная удача. Чего еще могут ждать от жизни эти вздорные, брехливые коротышки с весьма ограниченным кругозором?

На этих страницах я намерен рассказать читателям о своем жизненном пути – от самого рождения и до нынешнего высокого положения: о времени тяжелой борьбы за существование, о месяцах, проведенных наедине с дикой природой, о долгих скитаниях в поисках дома, об интересных встречах, о судьбоносных решениях и поворотных моментах. Однако в этой главе мне хотелось бы остановиться на двух более значимых вещах: на моем внезапном восхождении к вершинам славы и на решении сделать свои взгляды достоянием общественности.

Все началось, как это часто бывает, с простой случайности. Как-то к нам в надежде на бесплатную выпивку забрел фотограф, притворявшийся, что хочет поснимать лавандовую лужайку. Я не обратил на него особого внимания и, бегло понюхав, удалился. Как ни странно, фотографу хватило силы воли на пару минут выпустить из рук бокал и сделать несколько портретов. Как сейчас помню, я стоял против солнца – *contre-jour*, как говорят у нас во Франции, – и потому на фотографии получился мой силуэт. Замешкавшись, чтобы оросить герань, я услышал, как гость бормочет что-то о «благородном дикаре».

Случайная встреча

Тогда я нисколько не задумался об этом мелком происшествии. Просто кто-то более фотогеничен, а кто-то менее. А через несколько недель моя фотография появилась в журнале. Эффектное освещение, усы топорщатся, хвост гордо задран кверху – живое воплощение бесстрашного сторожевого пса. А еще говорят, что камера никогда не врет. Знали бы они...

После этого все и началось. Меня стали домогаться и другие журналы – по крайней мере, те из них, которые понимают, что такое настоящая звезда. К нам повадились газетчики, съемочные группы с телевидения, поклонники, ближние и дальние, и не слишком щепетильные люди, торгующие просроченной собачьей едой, и я для каждого старался найти минутку. А потом стали приходить письма.

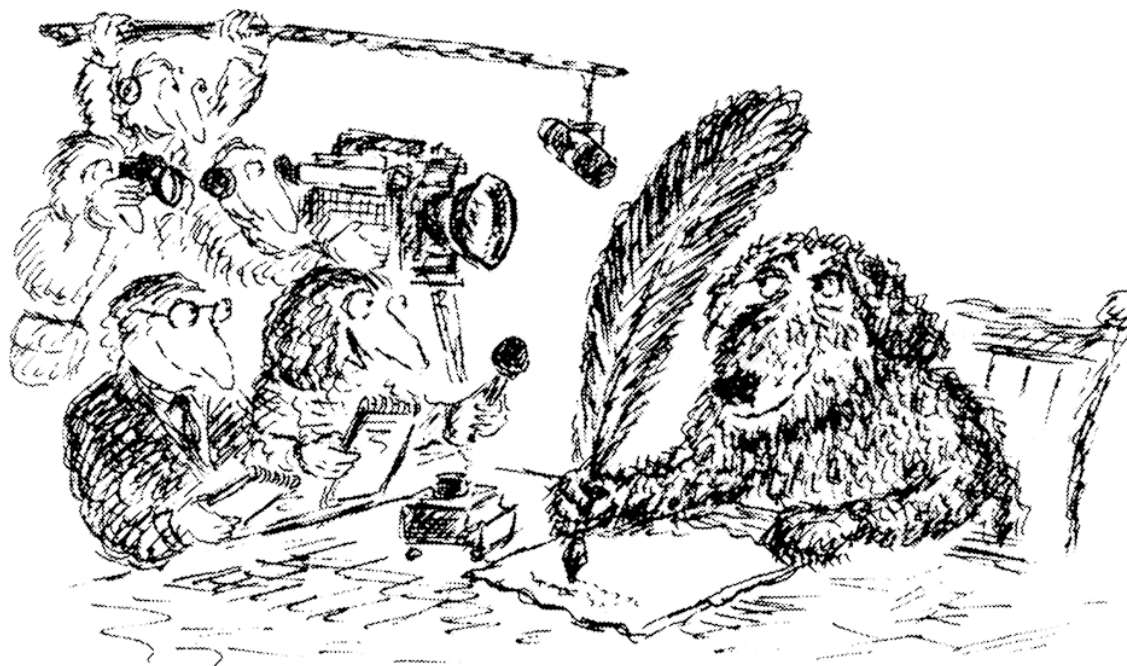
Не знаю, случилось ли вам когда-нибудь получать письмо от незнакомца с просьбой рассказать о своих самых интимных привычках. Ко мне они поступали сотнями, и среди них попадались довольно дерзкие. Одно содержало даже предложение безопасного секса с ротвейлершей (не слишком соблазнительная перспектива, памятуя о ее челюстях). Как бы то ни было, скоро мне стало ясно, что мир от меня чего-то ждет: возможно, изложения основ моего мировоззрения или практического руководства для тех, кто хочет добиться успеха. Я задумался.

Я – звезда

В последние годы у меня появилась слабость к Марселю Прусту. Правда, я нахожу, что иногда он бывает излишне многословен и чересчур увлекается подробностями, но все-таки надо признать, у нас с ним немало общего. Во-первых, мы оба французы. Оба склонны к рефлексии. Оба страстно любим печенье: он – «Мадлен», а я – обогащенные кальцием хрустящие галеты в форме косточки. И коли уж он, рассуждал я, нашел нужным поделиться с миром своими суждениями о жизни, любви, своей матери, кондитерских изделиях и поисках счастья, то почему бы и мне не сделать того же? Вот только матери я почти не помню, ибо она покинула меня и двенадцать моих сестер и братьев вскоре после нашего рождения. Учитывая

численность потомства, я не могу винить ее за этот поступок, хотя моя вера в материнский инстинкт была тогда сильно подорвана. То были тяжелые, голодные и холодные дни, как вы сами скоро убедитесь.

Мне есть что сказать миру

Но я отклонился от темы. Литература манит меня, и, чтобы ею заниматься, следует привести мысли в порядок. В целом, несмотря на горестное начало, мою жизнь можно считать удавшейся. Святой покровитель собак – а это святой Бернар, если кто-то не знает, – был добр ко мне. Тем не менее у меня имеется нешуточный жизненный опыт и ряд вполне сложившихся убеждений. Я не исключаю, что некоторых особо чувствительных читателей могут смутить мои суждения о младенцах, котах, гигиене, пуделях и ветеринарах, упрямо продолжающих измерять температуру давно устаревшим способом. Я не стану извиняться за свою откровенность. Ведь книги – во всяком случае такие, как моя, – пишутся не для того, чтобы утаивать правду.

Невзгоды

На день моего рождения явилось чересчур много гостей, и, заметьте, никого из них я не приглашал. Сначала я их даже не видел – глаза открылись только через несколько дней, – но зато чувствовал, и даже очень. Представьте себе, что вы завтракаете вместе с очень голодной футбольной командой и у вас на всех только один бутерброд, и тогда вы поймете, через что мне пришлось пройти. Свалка, куча-мала, каждый сам за себя, куда ни сунешься – везде локти, и к черту хорошие манеры! В те дни я был юн, наивен и не подозревал, к каким серьезным и даже трагическим последствиям скоро приведут эти регулярные потасовки из-за места у материнского бока.

Нас было тринадцать, а кранов с молоком – всего шесть. В тот год жизнь приготовила для нашей бедной матери два сюрприза: сначала ее за амбаром застал врасплох наш отец, а потом появление на свет потомства, чья численность в два раза превышала количество мест в ее столовой. А это означало, что работать ей придется в две смены. Бедняжка горько жаловалась на постоянное недосыпание, трещины сосков и послеродовую депрессию. Оглядываясь назад, я понимаю, что в этом не было ничего удивительного.

В наши дни модно сокрушаться о горькой участи единственного ребенка. Люди, как это им свойственно, с серьезным видом несут всякую чушь про одиночество, нехватку родственных связей, излишнюю опеку со стороны родителей, скучные и сиротливые трапезы и тому подобное. А по мне, такая жизнь похожа на рай. Истинный рай. И уж во всяком случае страдать от одиночества куда приятнее, чем вступать в схватку с дюжиной вечно голодных соперников каждый раз, когда у тебя появляется настроение перекусить. Такой режим питания выматывает и неблагоприятно сказывается на пищеварении. Большие семьи хороши только для кроликов. Уверен, что Пруст со мной согласился бы.

Наверное, примерно так же рассуждала и моя бедная усталая мать, потому что, едва мы раскрыли глаза и еще неуверенно встали на четыре лапы, она исчезла. Просто испарилась. Я хорошо запомнил это событие. Посреди глухой ночи, еще во сне я перевернулся на другой бок, решив, что пора подкрепиться, а через минуту, проснувшись, обнаружил у себя во рту ухо одного из моих братьев. Должен сказать, его это поразило не меньше, чем меня, и потом еще долго он поглядывал на меня косо. Интересно было бы услышать, что посоветуют в такой ситуации ревнители множественных родственных связей. Скорее всего, они прописали бы нам групповую терапию, пару уроков по технике самоанализа и инъекцию антибиотиков для пострадавшей стороны.

Как вы понимаете, в ту ночь мы больше не спали, а к утру у всех уже громко урчали животы; самые слабые начали хныкать. Будучи оптимистом, я до последней минуты верил, что наша дорогая мама просто соскучилась по взрослой компании и решила прогуляться за сарай, а к завтраку непременно вернется со смущенной улыбкой на лице. Однако ничего подобного не случилось. Время шло, урчание и вой становились все громче, и даже я начал подозревать худшее. Осиротевший, окруженный стаей беспомощных дурачков, я все еще чувствовал во рту вкус братского уха и уже не надеялся, что в ближайшее время туда попадет что-нибудь более питательное. Так состоялось мое первое знакомство с темными сторонами жизни.

Ума не приложу, как нам удалось выжить в последовавшие за этим несколько недель. Властитель здешних мест и его супруга изредка выделяли нам миску жидкого молока и жалкие куски, уже побывавшие в употреблении (до сего дня я не могу без отвращения смотреть на холодную лапшу), но этого было явно недостаточно. Однако судя по тому шуму, что они поднимали вокруг этих несчастных объедков, можно было подумать, что нас кормят парной вырезкой. Каждый день они ругались перед дверью, ведущей в наш сарай, – он в сапогах, она в войлочных шлепанцах. Я не все понимал в этих препирательствах, но то, что я слышал, мне совсем не нравилось. Столько ртов невозможно прокормить, деньги на ветер, так дальше нельзя, надо что-то делать, это все твоя вина, как тебя угораздило выпустить ее из дома в полнолуние – в жизни не слышал столько ругани по поводу трех обглоданных куриных косточек и половины черствого багета. Но выбирать нам не приходилось, и мы довольствовались тем, что получали.

Потом в сарай начали являться визитеры, и старый лицемер в сапогах сразу же запел по-другому. Он демонстрировал нас своим приятелям и расписывал так, будто мы были фамильными драгоценностями. «Лучшая охотничья кровь, – захлебывался он. – Среди предков – одни чемпионы. Безупречная наследственность. Это же сразу видно по форме головы и крутому загривку». Само собой, все это было чистейшим враньем. Могу поспорить, что он никогда даже

не видел нашего папашу. Как, впрочем, и я. Тем не менее он продолжал не краснея заливать о наших генах и отличных родословных, берущих свое начало во времена Людовика XIV.

Разумеется, большинство его приятелей не попадались на столь откровенную ложь, но простаков всегда хватает, и мало-помалу мои братья и сестры начали переезжать к новым хозяевам, наивно полагающим, что приобрели чистокровного охотничьего пса. Все это неопровержимо свидетельствует о том, как полезно бывает умение бессовестно блефовать. Внимательно наблюдая за типом в сапогах, я хорошо усвоил этот урок, и впоследствии он не раз сослужил мне добрую службу. Вспомнить хотя бы тот день, когда в лесу я нос к носу столкнулся с целым семейством диких кабанов... Впрочем, речь сейчас не об этом.

Вам, наверное, хочется спросить, что я чувствовал, когда видел, как самые родные и близкие покидают отчий дом. Может, я тосковал о них? Был удручен и печален? Не сказал бы. В каждом событии есть что-то плохое и что-то хорошее, и я очень скоро обнаружил, что чем меньше нас остается, тем больше еды приходится на каждого. Вы можете счесть такую позицию бессердечной и эгоистичной, но, должен вам сказать, пустой желудок в корне меняет мировоззрение. А кроме того, я всегда знал, что являюсь украшением этого помета – если бы вы видели остальных, то не стали бы спрашивать почему, – и не сомневался, что уже очень скоро жизнь расставит все по местам и я обрету то, что причитается мне по праву, – хорошее трехразовое питание и уютную лежанку в доме. Что ж, всем нам свойственно ошибаться.

Я начал приглядываться к тому, кто носил сапоги, решив, что он здесь главный. Каждый раз, когда этот гад оказывался в зоне видимости, я норовил с ним подружиться. Техника у меня еще хромала, но я старался как мог: с энтузиазмом махал хвостом и повизгивал от восторга; мне даже казалось, что я делаю определенные успехи. Под малопривлекательной внешностью, надеялся я, у него скрывается добрая душа, которая в конце концов вспыхивает любовью ко мне. Увы, душа оказалась еще хуже, чем наружность. Думаю, вам приходилось слышать, как жизнь называют грязной, жестокой и чересчур короткой. Все это в точности относилось и к хозяину дома. И сапогами своими он орудовал не в меру ретиво, отчего у меня по сей день сохранилось глубокое недоверие к человеческим ногам.

Но вот в один прекрасный день он впервые выпустил меня из сарая, и я решил было, что вот сейчас-то моя жизнь изменится к лучшему. Я ожидал по меньшей мере приятной прогулки, а возможно, даже экскурсии по моему новому дому и праздничного обеда в честь вхождения в семью. Ах этот глупый юношеский оптимизм!

Человек в сапогах привел меня в самый запущенный уголок сада, засаженный сорняками, с ржавыми канистрами и парой древних шин от трактора, проворно надел мне на шею петлю, привязал другой конец веревки к стволу платана, отошел в сторонку и уставился на меня. Вы когда-нибудь видели, как человек в мясной лавке пристально изучает витрину, не в силах сделать выбор между бараньей ножкой и говяжьей лопаткой? Вот в такой же глубокой задумчивости смотрел на меня хозяин дома. Я немного попрыгал на месте, изображая невинное веселье, едва не удавился петлей, после чего успокоился и уселся в пыль. Теперь мы глядели друг на друга. Он жевал ус. Я на всякий случай жалобно тявкнул. Он недовольно промычал что-то, отвернулся и ушел в дом. И чего после этого стоят все разговоры о мистической связи между человеком и его собакой?

Так и прошел остаток лета: я сидел на привязи, скучал, плохо питался, и единственным доступным мне удобством была густая тень от платана. Время от времени он приходил и так же оценивающе меня осматривал – этим исчерпывались все мои развлечения. Я много лаял, чтобы хоть чем-нибудь заняться, и изучал жизнь муравьев. Забавные они ребята, я и сейчас люблю за ними понаблюдать. Вечно бегают туда-сюда, почему-то всегда по трое, и смотрят прямо перед собой. Говорят, в больших городах происходит то же самое: сначала миллионы людей бегут из одной норки в другую, а потом так же дружно возвращаются обратно. Станный способ проживать жизнь, но, видимо, так уж они устроены.

Ночи я проводил свернувшись клубком в одной из шин и как-то утром, проснувшись, обнаружил, что все вокруг изменилось. Воздух пах совсем по-другому, а на резине блестела роса. Лето кончилось.

Тогда я еще не знал, что каждый год с началом осени в душах всех мужчин, а в особенности моих соотечественников, просыпается древний инстинкт. Он заставляет их собираться в кучи, вооружаться до зубов и отправляться на смертельную битву с дроздами, кроликами, бекасами и вообще со всем, что подозрительно шуршит в кустах. Иногда, если с кроликами не сложилось, а добычу домой принести хочется, они стреляют друг в друга. Но, кажется, я опять отвлекаюсь.

В тот день я вылез из шины, потянулся, сделал все, что полагается, и приготовился к еще одному скучному дню, как две капли воды похожему на предыдущие, но тут из дверей дома показалось диковинное видение – по-другому и не скажешь. Это был тот, что в сапогах, но вместо обычной фуфайки и молю траченных штанов он напялил на себя полную камуфляжную форму: пятнистый, зелено-коричневый картуз, такую же куртку и огромный патронташ; на одном плече у него висела сумка, на другом – ружье. Ни дать ни взять охотник Нимрод в маскарадном костюме.

Он подошел ближе, и я почувствовал идущий от сумки запах старой крови – куда более приятный, должен заметить, чем его обычный букет из табака, пота и чеснока. Я понял, что сегодня что-то произойдет. Он отвязал меня и при помощи сапога направил в сторону фургона. Кому-то, возможно, покажется, что это не слишком многообещающее начало хорошего дня, но не забывайте, что до этого я несколько месяцев просидел на привязи, а потому все происходящее казалось мне захватывающим приключением. Наблюдение за жизнью муравьев в конце концов тоже приедается.

Итак, мы двинулись в путь. Сначала фургон ехал по асфальту, потом свернул на бугристый проселок и наконец остановился. Нимрод вылез наружу, но меня не выпустил. Услышав лай, я прильнул к стеклу.

На лесной лужайке стояли еще три или четыре машины, и в каждой из них, судя по звукам, сидела собака. Нимрод с друзьями топтались на травке, с мужественным видом хлопали друг друга по спинам и хвастались вооружением. По рукам пошла бутылка, а один из бесстрашных воинов достал из сумки колбасу и нарубил ее огромным ножом, каким не стыдно было бы свежевать и кита. Они сожрали ее так, точно несколько дней ничего не ели, а ведь все только что позавтракали. Потом появилась еще одна бутылка, лай постепенно затих, и я, кажется, задремал.

Следующее, что я помню, это как меня за шиворот вытаскивают из машины и отправляют в лес. Другие собаки, похоже, знали, как себя вести, и я решил делать то же самое. Опустив носы к земле, мы с целеустремленным видом бежали между деревьями, а вооруженный до зубов отряд замыкал колонну. При этом он производил столько шума, что все птицы, у которых имелась хотя бы половина мозгов (фазаны, к примеру), задолго до нашего приближения отправились искать спасение где-нибудь на крыше *gendarmerie*.

Под кустом сидел кролик

А вот поведение кроликов заранее угадать невозможно. Одна из собак вдруг резко остановилась и приняла позу, которую художники так любят изображать на охотничьих пасторальных: голова вытянута вперед, шея, позвоночник и хвост образуют идеально ровную линию, а одна передняя лапа приподнята, будто она наступила на какую-то гадость. Кажется, это называется «стойка». Я тут же поспешил проверить, что там происходит, и – о чудо! – под кустом сидел кролик. Он трясся, как желе, и, похоже, никак не мог решить, что делать: валиться на спину и притворяться мертвым, выбрасывать белый флаг или улепетывать со всех ног.

Вояки у нас за спинами страшно всполошились и начали выкрикивать какие-то команды, но я не обращал на них внимания. В конце концов, это был мой первый кролик и мне не терпелось его получше рассмотреть. С мечтой о плотном ланче я прыгнул к нему, а он, вероятно прочитав мои мысли, сорвался с места и проскочил у меня между ног. И тут разразилась третья мировая война.

Следует напомнить, что я еще никогда не бывал в бою, и жуткий грохот нескольких разрядившихся у меня над головой ружей стал для меня полной неожиданностью. Вы даже не представляете, какой это был шок, а потому я не считаю нужным оправдываться. Повинуясь одному лишь инстинкту, я вылетел с линии огня быстрее, чем кролик, и, кажется, даже обогнал его, когда несся назад к своему безопасному фургону.

В бою

Машина была закрыта, а потому я забился под нее и едва успел перевести дух и поздравить себя со счастливым спасением, как вернулись охотники. До меня доносились громкий смех и весьма сочные выражения, изрыгаемые моим Нимродом. Он единственный не смеялся.

В категоричной форме он потребовал, чтобы я вылезал из-под фургона, но мне казалось, что сначала надо дать ему успокоиться. Тогда он стал пинать машину, чем еще больше разве-селил присутствующих, а когда и это не помогло, встал на четвереньки, прикладом вытолкнул меня, распахнул дверцу и пинком направил внутрь.

Дорога домой получилась не слишком веселой. Я понимал, что не до конца оправдал его ожидания, но ведь это была моя первая охота. Откуда мне было знать правила игры? В интересах мира и согласия я сделал несколько робких попыток извиниться, но в ответ получил только чувствительный толчок и поток новых оскорблений. Только теперь я понимаю, что больше всего он злился на то, что по моей вине выставил себя кретином, каковым, собственно, и являлся, перед своими товарищами (те, судя по виду, были не многим умнее, но у них хотя бы имелось чувство юмора). Я заметил, что люди вообще очень чувствительны к тому, как они выглядят в глазах окружающих. Мельчайшая трещинка в броне самоуважения заставляет их дуться часами. Или срывать свое раздражение на тех, кто окажется под рукой. В данном случае на мне.

Дорога домой получилась не слишком веселой

Итак, я опять оказался на веревке и на несколько дней впал в немилость. Мы с Нимродом заново осмысливали наши взаимоотношения. Он, видимо, мечтал об отважном и неутомимом помощнике на охоте. Я же склонялся скорее к тихой домашней жизни и, возможно, необременительным обязанностям по охране в обмен на крышу над головой. Не подумайте, что я отвергал охоту по моральным соображениям. Вовсе нет. По мне, так мертвый кролик гораздо лучше, чем живой и убегающий. Просто я не выношу грохота выстрелов. У меня на редкость чувствительные уши.

Последняя капля упала несколькими днями позже, когда Нимрод решил заняться моей дрессировкой. Он появился из дома, потрясая ружьем и каким-то бесформенным меховым свертком – кажется, это была одна из его ужасных старых фуфаяк с привязанной сверху кроличьей шкуркой.

Сняв с моей шеи веревку, он сунул сверток мне под нос и заставил пару минут его нюхать. При этом он бормотал что-то о запахе дичи, совершенно упуская из виду, что уже давно вытирает этой фуфайкой руки, когда возится со своей машиной. Не так-то просто демонстрировать энтузиазм, вдыхая запах дизельного топлива, но я постарался принять одновременно деловой и возбужденный вид. После чего начался следующий акт фарса.

Он зашвырнул сверток метров на двадцать, в самую гущу сорняков, а сам придерживал меня рукой, не давая броситься за ним. Между нами говоря, я и не собирался. У меня не было ни малейшего желания оставлять этого придурка с заряженным ружьем в руке у себя за спиной.

Я просто сел и стал ждать развития событий. Похоже, он приписал мое поведение похвальной сдержанности и полевой выучке и даже искривил рот в гнусной ухмылке, которая ему самому, вероятно, казалась поощрительной. «*Bieng*, – сказал он. – *Ça commence bieng*»¹.

И что дальше? Будем ждать, пока фуфайка в шкурке сама вылезет из сорняков и сдастся превосходящим силам противника? Попытаемся подползти и застать ее врасплох? Пока он решал, я прилег, и, как скоро выяснилось, совершенно напрасно, потому что стартовая скорость из лежачего положения всегда ниже.

Я даже не смотрел на этого идиота и не заметил, как он поднял ружье. Но, когда оно выстрелило, мне хватило доли секунды, чтобы забиться в свою шину, пригнуть голову и зажать уши лапами.

Вы когда-нибудь видели, как человек буквально лопается от злости? Не слишком приятное зрелище, особенно если в руках у него ружье и он тычет им в вашу сторону. Мне сразу же захотелось, чтобы между нами оказалось что-нибудь твердое, и я одним прыжком перемахнул из шины за широкий ствол платана. Несколько минут мы кругами ходили вокруг дерева: он – непрерывно ругаясь, а я – стараясь выглядеть по возможности покаянно, что не очень-то просто, когда двигаешься задом наперед на высокой скорости. Поворачиваться к нему спиной я все-таки не решался, хотя снайпером он точно не был и, скорее всего, промахнулся бы.

Наверное, набегавшись до изнеможения, мы в конце концов заключили бы перемирие, но тут к дому подъехал один из его приятелей. Некоторое время он наблюдал, как мы водим хороводы вокруг платана, и хохотал до слез. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что именно этот смех и стал причиной последовавшей смены моего адреса. Наверняка вы и сами не раз с этим сталкивались. Некоторые из нас совершенно не понимают шуток.

После этого события стали развиваться слишком быстро и были не очень приятными. Нимрод наконец загнал меня в угол, пару раз огрел веревкой и бесцеремонно затолкал в фургон. Потом он что-то проорал своей жене – какой же тяжкий крест приходилось нести этой бедняжке! – сел за руль, рывкнул на меня и рванул с места с такой скоростью, точно спешил на похороны лучшего друга и боялся пропустить поминки.

Я затаился сзади, куда он, по счастью, не мог дотянуться, и принялся размышлять. Мы точно ехали не на охоту, потому что он не захватил проклятое ружье и свой дурацкий картуз. Столь же очевидно было, что это не увеселительная прогулка. Даже его плечи и затылок излучали злость, и гнал он чересчур быстро для человека с явно нарушенной координацией движений. На поворотах машина кренилась, как одноногий пьяница, и к тому же он непрерывно гудел.

Мы ехали довольно долго и по большей части в гору и наконец, резко затормозив, остановились на обочине. Мысленно я уже давно приготовился к худшему, а потому, когда он вылез из машины и распахнул заднюю дверь, быстренько перебрался на водительское место на случай, если он задумал что-то недоброе. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга: он – через открытую дверь, я – поверх спинки сиденья.

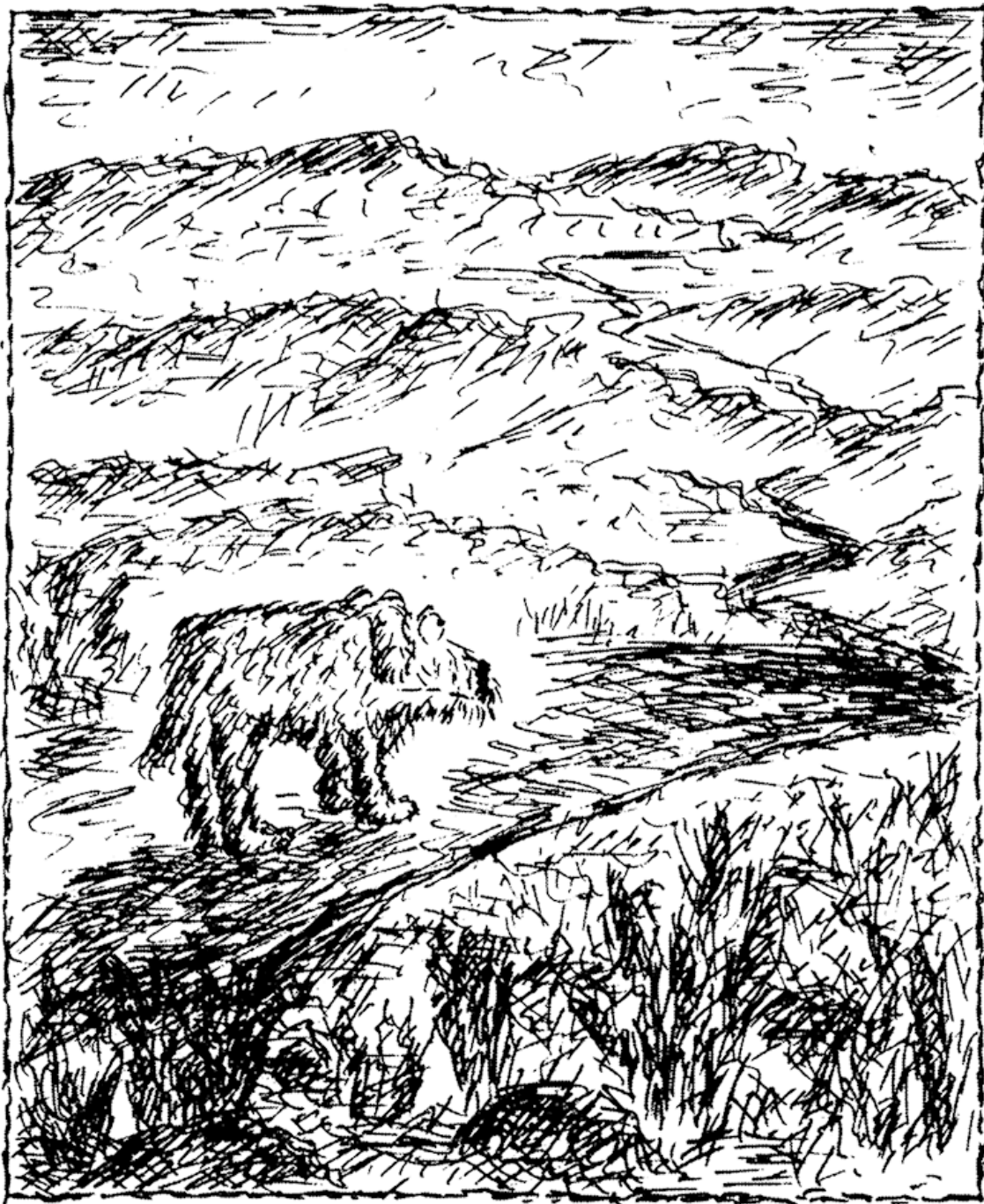
Я уже ждал нового потока оскорблений, но вместо этого он сунул руку в карман, извлек из него внушительный кусок колбасы и протянул мне. Конечно, мне следовало бы догадаться, что вряд ли у такого старого скряги ни с того ни с сего случится приступ щедрости, но, сами понимаете, я был голоден и доверчив. Ноги сами двинулись в сторону предложенного угощения. Он отошел от фургона, а я спрыгнул на землю и уселся в самую трогательную позу: передние лапы вместе, голова набок, слюнки текут. Он кивнул и сунул колбасу мне под нос. Как сейчас помню, она была свиной, с правильной дозой жира и восхитительным острым ароматом. Я потянулся к ней, но он быстро замахнулся и зашвырнул ее в кусты. Довольно далеко для человека, который вечно жаловался на артрит.

¹ Хорошо. Хорошо для начала (фр. с провансальским акцентом).

Думаю, вы уже догадались, что случилось дальше. Я бросился за колбасой, успев подумать, что вот такая охота мне по вкусу. Усердно работая носом, я шарил по траве и, наверное, чересчур увлекся, потому что не слышал никаких посторонних звуков. К тому же на цыпочках я ходить не умею и, вероятно, поднял порядочный шум, продираясь между кустами. Во всяком случае, когда после продолжительных и бесплодных поисков я поднял голову, чтобы сориентироваться, сразу же заметил, что в пейзаже чего-то не хватает.

Фургон и его коварный владелец исчезли. Воспользовались тем, что мне было не до них. Колбасу, кстати, я так и не нашел.

Неопределенное положение

Брошен. Именно это слово пришло мне в голову, после того как несколько минут я тщетно обшаривал глазами горизонт и окрестности. Я умею понимать намеки, а мне явно давали понять, что в моих услугах больше не нуждаются. Никаких неотложных дел у меня не имелось, и свободное время я употребил на то, чтобы подвести некоторые итоги и поразмыслить о будущем.

Я оказался на распутье, а мне-то уж хорошо известно, что распутье – это такая штука, на которую можно смотреть по-разному. Можно видеть хорошее или плохое, солнце или тень,

свет или тьму, ну и так далее. Стакан наполовину пуст или все-таки наполовину полон? Есть ли у каждой ложки дегтя своя бочка меда? Такие вот варианты.

Как мне уже случалось упомянуть, по натуре я оптимист, а потому начал с хорошего. Я теперь свободен и могу идти туда, куда зовет меня мой нос. Мне больше не грозят незаслуженные пинки в бок и опасные походы в лес в компании идиотов с заряженными ружьями. Жилье и кормежка у меня, как вы сами видели, были хуже некуда, а потому жалеть о них я не собирался.

Имелась, однако, и проблема, и она начинала меня сильно беспокоить. Щедро одарив меня многими талантами, природа тем не менее отказала мне в способности прокормиться самостоятельно. Этим собаки существенно отличаются от кошек. Забросьте самого паршивого кота в дремучий лес (и я вам в этом с удовольствием помогу), и вы моргнуть не успеете, как он будет лопать котлетку из дрозда или бессовестно закусывать тем, что найдет в каком-нибудь гнезде или кроличьей норе. Иными словами, едва заслышав зов природы, он тут же превращается в самого настоящего дикаря. Этот инстинкт в котах неистребим. Доверять им ни в коем случае нельзя, а кроме того, у каждого из них найдется пара-другая отвратительных замашек. Но это я так, к слову.

От проблемы пропитания мои мысли постепенно перешли к вопросу более общему, а именно: к положению собаки в том, что условно именуется «цивилизованным обществом». Не сомневаюсь, что вам не раз и не два приходилось слышать давно уже ставшую штампом и набившую оскомину фразу о лучшем друге человека – уверен, что придумал ее один из тех чувствительных простачков, что приходят в экстаз от мокрого носа и преданного взгляда, – с которой я в целом вполне согласен. Но в пылу умиления люди склонны забывать, что человека и собаку связывают не только сентиментальные, но и вполне практические соображения. Дружба – это, конечно, очень хорошо (в конце концов, если бы не друзья, я не писал бы сейчас эти строки), но немаловажное значение имеют также теплая постель, сытная еда и уютный дом.

Один из моих сообразительных предков, вероятно, осознал это уже несколько тысяч лет назад и опытным путем пришел к выводу, что человек представляет собой наиболее подходящую систему собачьего жизнеобеспечения. У нас, собак, имеется множество талантов и навыков, но разве мы можем сами гарантировать себе регулярное трехразовое питание? Нет. Можем построить теплый и непромокаемый дом? Снова нет. (Последнего, кстати, не могут и коты, невзирая на все их чванство.)

Итак, в те дремучие времена, когда еще не было ни собачьих питомников, ни салонов красоты для пуделей, мой мудрый предок принял решение сделаться неотъемлемой принадлежностью в хозяйстве человека, а тот, питая врожденную слабость к лести, принял это за знак дружбы, привязанности, бескорыстной любви и бог знает чего еще – и так родилась легенда. С тех самых пор мы, собаки, пользуемся всеми преимуществами бесплатного жилья с полным пансионом, свободного расписания и – при определенном везении и минимуме усилий – обожания.

Правда, тогда все это было известно мне лишь в теории, ибо за свою короткую жизнь я еще не знал ни добрых слов, ни телесного комфорта. Между тем положение грозило стать еще хуже. Я начал серьезно тревожиться и даже подумывал, не вернуться ли мне к старому гаду, наплевав на сапоги и все прочее. К счастью, от этих малодушных мыслей меня отвлек шум приближающегося автомобиля. В груди тотчас же проснулась надежда, и я поспешил вниз, к дороге.

Машина промчалась мимо, даже не сбавив скорости. Так же поступали и все остальные в то утро, несмотря на мои дружеские кивки и приветливые скачки. Я попробовал сидеть посреди дороги, но они просто объезжали меня, сердито сигналили и не выказывая никакого сочувствия. Моя вера в человека начинала таять. Через некоторое время мне пришло в голову, что лучше бы попытаться счастья с теми, кто ходит пешком. С людьми, стоящими на ногах,

можно наладить контакт, что, конечно, затруднительно, если они мчатся мимо тебя на скорости восемьдесят километров в час. С автомобилем не вступишь в переговоры, как вы понимаете. И я отправился на поиски пешеходов.

Это было легче сказать, чем сделать, поскольку мой приятель-охотник высадил меня в месте, больше всего напоминающем Новую Зеландию, если верить тому, что рассказывают о ней по телевизору: деревья, кусты, горы и больше ничего. Отличный уголок для любителей неиспорченной природы, но совсем не подходящий для одинокого странника, озабоченного поиском еды и приюта. И я двинулся по обочине на поиск цивилизации.

Я двинулся по обочине на поиск цивилизации

Прошло несколько часов, и время, наверное, приближалось к полудню, когда я наконец уловил в воздухе слабый запах канализации и дизельных выхлопов. Вы бы, вероятно, не обратили на него внимания и уж точно не сочли бы приятным, но для меня он означал близость человека. И верно – взобравшись на верхушку холма, я увидел внизу группу старых каменных строений, а подойдя поближе, разглядел царящую между ними суету и сутолоку и услышал голоса. В самом деле, люди чем-то похожи на муравьев, только гораздо шумнее.

Хочу напомнить, что до этого все мои знания о человеческом жилище ограничивались одинокой развалюхой, в которой я родился, и потому вы поймете, как я был потрясен, увидев десятки домов и, должно быть, сотни людей. Где-то там, среди них, был уверен я, ходит и мой будущий лучший друг. Только эта иллюзия и помогала мне переставлять натруженные лапы.

Городок показался мне огромным, улицы разбегались во все стороны, а каждый порыв ветерка проносил мимо моего носа удивительные, дразнящие ароматы. Люди бродили по улицам вроде бы бесцельно и, судя по их беззаботному виду, думали только о том, чем полакомиться за обедом. Небольшая кучка их остановилась на углу и немедленно начала трещать, а я усвоил первый, очень полезный урок выживания. Похоже, люди совсем не умеют разговаривать, если у них заняты руки. Не спрашивайте меня почему, но если они собираются по двое, по трое или больше и начинают обсуждать мировые проблемы, то сумки и корзины тут же ставятся на землю, и тогда при моем росте в них очень удобно заглядывать. (Он у меня, кстати, такой, что если бы мы с вами стояли рядом, моя голова находилась бы где-нибудь посерединке между вашими коленями и талией.)

Если подворачивается счастливая возможность, за нее надо хвататься не раздумывая, а потому я ухватился за торчащий из корзины багет и уволок его в укромное местечко под

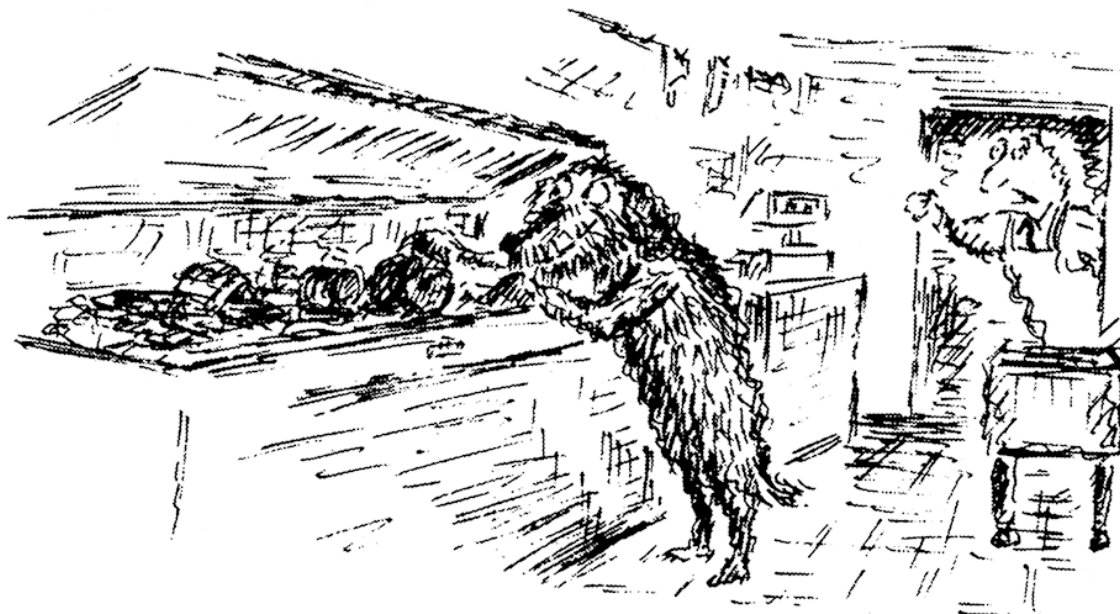
столиком уличного кафе. В тот момент, когда я подъедал последние крошки и подумывал, не наведаться ли мне к корзине за добавкой, под столиком вдруг появилась рука, потрепала меня по голове, исчезла, а потом вернулась с куском сахара. Я выглянул и обнаружил за соседним столиком молодую пару: они улыбались мне и издавали смешные звуки, которые, по мнению людей, должны быть приятны собачьему уху. То же самое они делают и когда общаются с младенцами, как я заметил. Но голоса у них были дружелюбные, а ласковая рука гораздо приятнее, чем нога в сапоге, а потому я постарался им понравиться.

Можно было подумать, эти ребята никогда раньше не видели собаки. Они умилялись, гладили меня по голове, щедро угощали сахаром и вообще демонстрировали все признаки любви с первого взгляда. По неопытности я принял все это за приглашение и, когда они вышли из кафе, с готовностью потрусил за ними в надежде – не стану этого скрывать, – что мягкая постель и новая жизнь ждут меня прямо за углом. Называйте меня наивным, если хотите, но не забывайте, что до этого все мои знания о человеческих повадках ограничивались оскорблениями и обидами разного рода, а доброта и симпатия были для меня новинку.

Как я выяснил позже, многие неприятности и недоразумения начинаются именно с того, что простое проявление дружелюбия принимается чересчур буквально. У меня были все причины предполагать – или, по крайней мере, мне тогда так казалось, – что это знакомство с молодыми людьми в кафе станет началом большой дружбы. Увы, у них на этот счет имелось другое мнение, и, когда мы подошли к их машине, случилась неловкая заминка и даже небольшая борьба, когда я попытался сесть в нее вместе с ними. Закончилось все решительным тычком и дверью, захлопнутой прямо перед моим носом. Помнится, где-то я слышал высказывание о том, что следует опасаться незнакомцев, дары приносящих. Сейчас-то я, конечно, смотрю на все это философски, но тогда был не на шутку расстроен.

Собака послабее могла бы впасть в отчаяние. Я знал спаниелей, которые при первых же признаках неприятностей валились на спину и трясли лапами в воздухе. Это не про меня. Я не сдаюсь и не отступаю. Только вперед и вверх. Чтобы взбодриться и поднять настроение, я решил пройтись по магазинам. Кажется, и люди нередко прибегают к этому способу.

Я бодро бежал по улице и вдруг остановился как вкопанный, почувствовав струящийся из дверей магазина божественный аромат – так может пахнуть только парное мясо. Свиные котлетки, бараньи ножки, домашняя колбаса, рубец и печень, мозговые косточки, говядина, и ни души внутри, как я обнаружил, когда последовал зову своего носа. Откуда-то из задней комнаты слышалось сонное бормотание телевизора, а в самом магазине было тихо как в могиле. Я слышал даже стук своих когтей по посыпанному опилками полу, когда приближался ко всем этим яствам, разложенным на деревянном прилавке.

Чтобы взбодриться, я решил пройтись по магазинам

Я решил хорошенько подумать, прежде чем на чем-нибудь остановиться – тогда я еще не знал, что нерешительный покупатель часто упускает счастливые возможности. Но поскольку мне приходилось ограничиться тем, что поместится в пасти, я хотел унести хороший стейк, а не жилистый кусок бараньего горла. Это называется осознанным выбором, и, должен сказать, в моем случае он сослужил мне плохую службу.

Я колебался между свиными ножками и симпатичным куском телятины, когда из глубины магазина донесся свирепый рев, а вслед за ним показался и мясник с выпученными от злости глазами. Он огляделся в поисках оружия, и, к счастью, под руку ему попала не костепилка и не здоровый топор, а всего лишь метла, с которой он к тому же не слишком ловко обращался и первым делом опрокинул целую шеренгу стеклянных баночек, кажется, с утиным *confits*². Я воспользовался его минутным замешательством, перемахнул через осколки и вылетел в дверь, отделавшись лишь скользким ударом по кормовой части. Нечего было тянуть резину. Кто медлит, тот остается голодным. Я запомнил это правило на тот случай, если еще раз решу пройтись по магазинам.

А кроме того, мне явно требовалось пересмотреть тактику. После эпизода с мясником у меня сложилось впечатление, что в городских магазинах к собакам относятся с неоправданным предубеждением. И ведь что удивительно – дети производят гораздо больше шума и беспорядка, но на них никто не набрасывается с метлой. Так несправедливо устроена жизнь. Очень характерный пример двойной морали. Тут я увидел, как из булочной совершенно спокойно выходит дворняга с мужчиной, и меня осенило. Получается, владельцы магазинов возражают не против собак вообще, а против собак без сопровождения. Я уселся поближе к дверям *épicerie*³ и приготовился привести в действие план Б.

Как все великие планы, он отличался простотой. Я намеревался временно присоединиться к какому-нибудь покупателю, входящему в магазин. Оказавшись внутри, мы сможем разойтись и заняться каждый своим делом: пока я буду загружаться провизией, мой личный покупатель станет отвлекать продавца. Казалось бы, ошибки быть не может.

² Мясные консервы в собственном жире (фр.).

³ Бакалейный магазин (фр.).

Из дверей *épicerie* доносились весьма аппетитные запахи. Конечно, не те опьяняющие ароматы, что источала лавка мясника, но все равно достаточно соблазнительные, для того чтобы мое воображение заработало на полную катушку. С все возрастающим нетерпением я озирался в поисках подходящего сообщника.

Никогда раньше я не видел такого множества людей. Думаю, именно с того давнего дня и начался мой острый и непреходящий интерес к человеческой натуре и особенностям поведения. Мужчины и женщины всех возрастов, форм и размеров бродили по улицам параллельно или встречными курсами, не проявляя при этом никакого интереса к другим особям. Они не обнюхивались, не обходили вокруг друг друга, не производили церемониального поднятия ноги – все их, так сказать, социальные контакты ограничивались редким кивком или рукопожатием. Сейчас-то я к этому привык, но тогда такое отсутствие взаимного интереса показалось мне чрезвычайно странным. Наверное, дело тут в перенаселенности городов. Постоянное столпотворение притупляет чувства.

Я так увлекся наблюдением за этим непрерывно текущим мимо меня людским потоком, что вздрогнул от неожиданности, когда какая-то женщина погладила меня по голове. Я поднял глаза, увидел пустую корзинку для продуктов и улыбающееся лицо, а потом женщина отвернулась и двинулась к двери, ведущей в благоуханный сумрак *épicerie*. Не упускай момента, сказал я себе и, словно тень, последовал за ней, приняв вид собаки, идущей со своим хозяином по крайне важному делу.

Это был правильный, традиционный *épicerie*. Увы, сейчас во многих из них можно увидеть только закрытые банки, запечатанные коробки и загадочные пластиковые упаковки, но в том магазине торговали настоящей едой, причем в натуральном виде. Французы не склонны к самоограничению, когда дело касается желудка, и потому на витринах красовались большие куски сыра, горы колбас и копченых окороков, а также куча готовых продуктов, среди которых имелось все: от фаршированных цыплят до терринов, от одного только вида которых у меня на глазах выступили слезы умиления. Сообщница остановилась у прилавка с овощами, но меня они никогда особо не интересовали, и, бросив тоскливый взгляд на печенье, я справился с искушением и направился вглубь магазина. Там были выставлены главные сокровища, и я с первого взгляда проникся любовью к домашней лазанье. Однако раздумывать было некогда, и, памятуя неудачный опыт с мясником, я проворно встал на задние лапы, передние положил на прилавок и уже нацелился на кусок копченого окорока весом в добрый килограмм, когда внизу началось настоящее светопредставление.

Только от большой доброты источник этого беспорядка можно было бы назвать собакой: жалкое, тшедушное существо, росточком крысе по колено, с нелепым хвостом, закрученным тугим колечком, будто червяк в конвульсиях, визжало пронзительным фальцетом, способным разбудить и мертвых. На секунду я даже подумал, что он угодил своими причиндалами в машинку для резки колбасы, но чуть позже стало ясно, что он так лает. Как голоден я ни был, но все-таки мне пришлось отвернуться от окорока и заняться этим недоразумением, которое норовило вцепиться мне в лодыжку. Пока я пытался его стряхнуть, из глубины магазина возникла гора на двух ногах в фартуке и с очень неприветливым лицом; в руке она, кажется, держала скалку. Одним словом, мне пришлось поспешно сматываться.

Такой вот теплый привет я получил в тот день от местных торговцев и потому призываю вас не верить рекламным открыткам, на которых они глупо улыбаются в камеру. Те двое, с которыми я успел познакомиться, могли бы дать фору самому Чингисхану. (Уверяют, что, когда у того заканчивались припасы, он имел обыкновение есть собак. К счастью, с тех пор человечество ушло далеко вперед.)

Я вернулся в свое прежнее укрытие под столиком кафе и предался размышлениям. Итого, за сегодня я был один раз жестоко отвергнут и дважды едва не убит в обмен на один небольшой багет и горсть рафинада. Вряд ли такой результат можно назвать удовлетворитель-

ным, а кроме того, дело уже идет к вечеру, и тени на земле становятся все длиннее, а жилье с полным пансионом все так же далеко от меня, как и утром. Я не сомневался, что завтрашний день принесет с собой новые счастливые возможности и перспективы, но пока мне предстояло решить, где провести эту ночь. Остаться до утра под столиком или отправиться на поиски укрытия где-нибудь на лоне дикой природы, полной тайн и опасностей, – вот в чем вопрос.

Ответ на него довольно скоро дал хозяин кафе, представший передо мной с метлой в руках. В тот день у меня сложилось впечатление, что местные жители ни на минуту не расстаются с этим полезным предметом, вероятно опасаясь вражеского вторжения. Он начал выметать из-под столиков скопившийся там за день мусор, и через некоторое время наши глаза встретились. Метла угрожающе поднялась над моей головой. Мне очень хотелось оставить ему что-нибудь на память в благодарность за теплый прием, но времени не оставалось даже на то, чтобы символически задрать ногу. Мне в очередной раз пришлось поспешно удалиться, и я отправился искать покой и счастье за пределами городка.

Проблема обеда была решена

Углубившись в размышления о людском жестокосердии и коварстве, я отошел довольно далеко от его границ, когда мой нос вдруг уловил многообещающий и очень насыщенный запах. Как выяснилось, его источало содержимое опрокинутого на бок мусорного бака, что стоял в самом конце узкой тропинки. Подойдя поближе, я понял, что проблема обеда решена, и принялся за изучение меню.

Я не устаю удивляться тому, какие чудесные вещи выбрасывают люди. Кости, аппетитные корочки, потроха, совершенно съедобные сардины – все это и многое другое, словно драгоценности, сверкало среди пустых банок, бумаги и пластика. Я уже готовился приступить к первому блюду – вкуснейшей куриной коже *en gelée*, если мне не изменяет память, – когда из бака донеслось рычание, больше похожее на старческий кашель, и показалась передняя половина собаки: пасть оскалена, клыки наружу, шерсть дыбом, истинный пес Фидо, защищающий свой очаг и собственность.

Без ложной скромности могу признать, что храбрости мне не занимать, особенно когда противник стар, немощен и гораздо мельче меня, как и было в этом случае. Поэтому я просто не обратил внимания на его протесты и, прикончив куриную кожу, перешел к симпатичным

сырным обрезкам. Но вы, наверное, согласитесь, что удовольствие от еды может быть сильно подпорчено постоянным надоедливый нытьем у самого уха. Вероятно, примерно так же чувствуют себя и богатые инвесторы, которых приглашают на обеды с вполне определенной целью.

Тем не менее, несмотря на засевшего в баке типа, я отлично пообедал и потому смотрел в будущее уже с большим оптимизмом. После небольшого исследования стало ясно: от дороги, ведущей из городка, через каждую сотню метров в разные стороны разбегались дорожки поуже, в конце каждой стоял дом, а у каждого дома имелся свой бак – точная копия того, что оккупировал старый ворчун. Применяв законы логики, я пришел к выводу, что в каждом из них без всякой охраны содержится набор продуктов, возможно не настолько изысканных, чтобы угодить строгому гурману, но вполне питательных и пригодных для поддержания телесного здоровья. Произведенное тут же обнюхивание подтвердило эту теорию, и, помнится, я порадовался тому, как слаженно мой нос и мозг трудятся на пользу желудку.

Избавившись таким образом от беспокойства по поводу завтрака, я вплотную занялся проблемой ночлега и тут столкнулся с совершенно неожиданными препятствиями. Я заглянул примерно в десяток домов в надежде уютно устроиться в каком-нибудь сарае или хлеве, но везде был встречен градом оскорблений, ругательств и угроз, и на этот раз не от людей, а от своих собственных собратьев. В каждом дворе имелись по крайней мере две постоянно живущие там собаки, которые, завидев меня, поднимали такой шум, словно я намеревался похитить их фамильное серебро.

К счастью, все они были прочно привязаны ко всяким неподвижным предметам, что спасло меня от верной гибели и даже дало возможность поставить этих убийц на место: я задираю лапу и метил их территорию в каком-нибудь метре от слюнявой, ощеренной пасти. Завещаю вас, это не менее оскорбительно, чем, например, уничижительно отозваться о безвкусных занавесках в доме, куда вы пришли в гости. Псов такое поведение приводило в бешенство, а один из них, лохматый, блохастый хам со здоровенными зубами, так рвался с цепи, что, похоже, повредил себе голосовые связки: свирепый лай вдруг перешел в жалкое повизгивание, а вид у него сделался крайне сконфуженным. Так грубияну и надо.

Однако все эти небольшие развлечения никак не приближали меня к удобному ночлегу. День у меня получился насыщенным и полным событиями, и я так устал, что рад был приклонить голову где угодно, лишь бы подальше от метел и зубастых челюстей. На всякий случай я заглянул в последний дом, был встречен там же все той же какофонией из истерического лая и воя, после чего побрел в лес искать прибежище среди кустов на опушке леса.

Я слышал, что есть люди, которым лес представляется чередой мирных полянок и укромных уголков, райским местом, созданным специально для покоя и уединения. Попробовали бы эти романтики пожить там несколько недель, как пришлось мне. Главное, что осталось в памяти, – это непрерывный шум и суматоха. Первым делом с утра – осточертевший птичий хор, весь день – охотники с их трескучими ружьями, а по ночам – бесконечный шорох и топанье разнообразных ночных существ да гуканье сов. Именно так я представляю себе обстановку в сумасшедшем доме. О крепком, спокойном сне там нечего было и мечтать.

Дошло до того, что днем я начал ходить в городок специально, чтобы отдохнуть в тишине. Никто не мешал мне шляться по улицам, а от мясника и своего спарринг-партнера из *épicerie* я старался держаться на благоразумном расстоянии. Со временем некоторые из наиболее добросердечных местных жителей стали узнавать меня, и между нами завязались вполне приятельские отношения, которые, впрочем, становились прохладными, как только я пытался перевести их на более постоянную основу.

Однако с каждым прошедшим днем (и тем более ночью) бродяжья жизнь угнетала меня все больше, но тут в нее вмешалась Судьба. Она вновь подвела меня к распутью, или к крутому повороту, а возможно, к тому и другому одновременно. Я расскажу вам, как это случилось, а вы решайте сами.

Я брел по обочине в городок после особенно беспокойной ночи: казалось, вся местная популяция сов выбрала мой укромный уголок, чтобы выяснить в нем отношения. А может, у них начался брачный период. Я не большой знаток сов и их повадок и точно сказать не берусь. Как бы там ни было, я провел бессонную ночь, совершенно измучился и утратил свою обычную энергию и *esprit*⁴. Полагаю, вид у меня был унылый и крайне жалкий.

Заслышав шум догоняющей меня машины, я спустился в канаву, чтобы пропустить ее. Но машина остановилась.

Из нее вышла женщина, и я тотчас же почувствовал в ней родную душу. Для этого хватило одного очень простого жеста: она не стала разговаривать со мной с высоты своего роста, а присела на корточки так, чтобы мы могли смотреть в лицо друг другу. Возможно, вам покажется, что это ерунда, но для собак такие поступки значат очень многое: они говорят о сочувствии, желании наладить контакт и, наконец, об элементарном хорошем воспитании. Представьте себе, что вам постоянно приходится общаться с кем-то, кто презрительно взирает на вас сверху вниз, – вам это точно не понравится. Вы сочтете такое поведение невежливым и будете совершенно правы. Теперь вы понимаете, почему в ответ на попытку Мадам завязать знакомство я энергично завилял хвостом и всем телом, пару раз восторженно твякнул и дружески положил лапу ей на колено.

Несколько минут мы общались подобным образом на краю канавы, а потом она, похоже, приняла решение и распахнула передо мной дверь машины. У меня моментально упало настроение и опустились уши. Весь предыдущий опыт подготовил меня к тому, что подобное приглашение является прелюдией к поспешному прощанию: машина умчится в сторону заката, а ваш покорный слуга вновь останется в печальном одиночестве.

⁴ Живость (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.